

П

ик культурного обмена и переводов с русского языка на сербский (и обратных) приходится на начало XIX века. Это связано с так называемым периодом возрождения славянских народов, а также с расцветом русской литературной журналистики. В это время появляются кружки, объединения писателей, филологов, военных людей, которые интересуются славянством. Издаются исследования, например, «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» Д.Н. Бантыш-Каменского. А.Х. Востоков переводил сербские песни:

Темница — жилище необычно:
Во темнице вода по колено,
А по пояс кости человечьи.
Туда ходят змеи, скорпионы:
Приползут змеи высосать очи,
Залить ядом лице скорпионы...

Исследовательница Елена Осипова в работе «Русская литература 1800–1860 годов и сербская эпическая традиция» подмечает, что эту песню использовал Николай Лесков в рассказе «Тупейный художник». Интересно, что сербы перевели сборник Востокова в 1987 году. Опыт Востокова оказал влияние на Пушкина в его «Песнях западных славян». Достижения русских эмигрантов, прибывших в Сербию после 1917 года, очень многообразны.

Одним из популяризаторов русской литературы в Сербии был и остается обладавший большим кругозором поэт, прозаик и переводчик Владимир Ягличич (1961–2021). В его переводах сербские читатели познакомились с творчеством Николая Гумилева, Александра Блока, Варлама Шаламова, Арсения Тарковского, Ивана Ильина и Ивана Бунина — всех в краткой статье не перечислить.

Для перевода издательству «Грамати́к», которое возглавляет сербский поэт и переводчик Данило Йоканович, Владимир Ягличич избрал российского поэта Александра Орлова. Изданный сборник сербский переводчик назвал «Христов раденик» (Београд: «Грамати́к», 2021) — видимо, по названию стихотворения «Христорадник». Название показательное для устремлений и действий как Александра Орлова, так и Владимира Ягличича. Его широта вмещает не только стихи

Александр Орлов

ХРИСТОВ РАДЕНИК

духовно-философского содержания, но и поэзию о Великой Отечественной войне, события которой через поколение воспринимает Александр Орлов. Вот стихотворение «Доченька»:

В ночь на Волге-матушке затвердел весь лед,
По нему на саночках дочку мать везет.
Вслух под вьюгу молится, читает тропари,
Слезно просит доченьку: только не умри,
Не умри, любимая, будет проклят фриц,
Нам еще немножечко в одну из двух больниц.
Там у того берега встретят нас врачи,
Потерпи, кровиночка, слышишь, не молчи.
Вытащат осколочки из твоей груди,
Только, моя девочка, глаза не заводи.
Видишь, моя милая, как Волга широка.
Льдом покрылась девочки правая щека...

Цитировать далее поистине трагическое стихотворение трудно. Сравним приведенный фрагмент с сербским переводом.

У ноћи на матушки-Волги стврдноу се лед по странама
по њему ћерку матери вози, на санкама.
Наглас моли се, чита тропаре, никога да се смири
у сузама моли ћеркицу: само не умири.
Не умири, вољена, дођавола са фрицем,
ми ћемо још малкице у једну од две болнице,
тамо крај оне обале дочекаће нас лекари,
потрпи ћеркице, чујеш ли, не ћути, не крвари.
Извадиће зрнад из твојих груди,
само девојчице очи не колачи, храбра буди,
видиш ли, моја мила, како је Волга широка и добра,
ледом прекрива, девојчице, десни образ.

Как видим, строфика немного изменена, но песенное, колыбельное настроение, почти непереносимое страдание — остались. Чуткость переводчика говорит о близости культур: Владимир Ягличич может понять интеллектуально, пережить чувством и передать сербскому читателю горе другого, хоть и близкого народа.

В сборнике есть и современные стихи — точные наблюдения; например, «Каноница» — или КАЛУЂЕРИЦА:

Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряди в платок.
Что тебе снится, родная каноница?
Где твой избранник израненный слег?
Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой оружийный затих?
Где же погиб твой веселый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?
Долгие годы жила ты в затворе,
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра...

Сестра в этом фрагменте стихотворения — и церковное, и светское обращение — как к фронтовой медицинской сестре, вытаскивавшей из-под огня тех, кому еще суждено жить. Вот эти стихи на сербском:

Време нечујно зарања у таму.
Живота земног рок, тајновит, мину.
Своје си косе скрила под мараму.
Калуђерице, шта сањаш кроз тмину?
Где изабраник твој, рањен, почину?
Видиш ли јаву где негдашњост јења?
Чујеш ли — стихну крик огња у трави?
Где погибе твој ведри младожења?
Покрај Рославља, или у Варшави?
Ко оста жив, у журишу и страви?
Живот — зазидан, сву епоху дугу,
неко ти, каткад, дOMETне реч «сестра».
А ти, на фронту свом, мирна и спретна,
још не исплака девичанску тугу,
и не васкрсну свог војника Петра.

Издатель Данило Ёканович — яркий современный поэт, умелый верлибрист, и это означает, что его с Владимиром Ягличичем выбор обоснован больше, чем традицией или конъюнктурой, — означает, что в Сербии есть потребность в знакомстве с современной российской поэзией. Конечно, можно дорожить менталитетом, валашскими змеями и скорпионами, традицией Востокова и Хомякова и перепиской Черногорского правителя и митрополита Петра II Негоша с графом Уваровым. Однако очевидно, что культурная реальность материализуется в переводах русской поэзии — в числе прочих, и на сербский язык. Среди различных культурных и общественных тенденций Владимир Ягличич выделил — точнее, поддержал — классический консерватизм. Причем для сербского поэта и писателя это определение шире или, если угодно, выше мощных интеллектуальных спекуляций по поводу этнизма и прав так называемых меньшинств. В послесловии к переведенной книге Владимир Ягличич пишет:

«Александр Орлов — исключительно русский поэт (если так можно сказать) не только в религиозном, но и в поэтическом смысле. Его постоянная забота, а кто-то может сказать и слабость, но и сила — не свернуть с правильного пути, который с полным правом выбрал, нравится это кому-то или нет. Это не поза, а выбор, принадлежность, необходимость открыть себя и быть тем, кто есть: поэт русских тем, русских людей и русской земли. Существуют невидимые силы, которые наблюдают за нами из другого мира, и перед ними нельзя осрамиться. Его лирические герои всегда остаются в памяти. Его учитель Владимир Костров называет такой выбор «классическим консерватизмом».

Воплощающий собой классическую русскую поэзию в ее высоком развитии знаменитый поэт Владимир Андреевич Костров радуется именно душевной собранностью, полной внедренностью в поэзию, в точность слова. К этому же стремится и Александр Орлов. Эту концентрированную собранность, безоговорочно воздействующую на любого читателя — хоть на тиктокера, если тот возьмет на себя труд ознакомиться с текстом, — точно передает на ином, хоть и близком языке опытный и чуткий сербский переводчик. От такого слова не спрячешься за экраном.

Владимир Ягличич, к сожалению, не увидел земным взглядом переведенный им сборник Александра Орлова. Российский поэт посвятил вышедшую книгу своему сербскому переводчику.